

Н. А. Потапова**Китайцы в фокусе репрессий Большого террора в Сибири и на Дальнем Востоке**

Статья посвящена массовым репрессиям против китайского населения в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Большого террора. На основе решений внесудебных инстанций за 1937—1938 гг. и прекращенных архивно-следственных дел, которые по истечении 75-летнего срока стали доступны для исследователей, делается заключение о специфике и масштабах репрессий в отношении этой этнической группы для восточных районов СССР. Доказывается, что основная масса лиц китайской национальности была обвинена в японском шпионаже и репрессирована в рамках приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г. («харбинский» приказ). Автор приходит к выводу, что в период Большого террора в СССР была реализована крупномасштабная репрессивная кампания, следствием которой стало существенное сокращение китайской диаспоры в стране.

Ключевые слова: диаспора, китайцы, Большой террор, «национальные» операции, «харбинский» приказ, депортация, ссылка.

Массовая миграция китайского населения в Российскую империю обозначилась в последней четверти XIX в. Согласно данным первой Всероссийской переписи 1897 г., в стране проживало более 57 тыс. китайцев, из которых 41 тыс. — на Дальнем Востоке и в Сибири [27], но реальные цифры в 2—3 раза превышали официальную статистику [18, с. 23]. Мировая и Гражданская войны усилили миграционную активность китайского населения, что способствовало росту численности диаспоры и расширению географии ее расселения. Власти пытались отслеживать численность китайской общины, но даже официальная статистика всегда оказывалась крайне противоречивой. Перепись 1926 г. зафиксировала увеличение этой этнической группы до 101,7 тыс. чел. [9, с. 40—41]. Иммиграция, как и возвратная миграция, вплоть до начала 1930-х гг. была обусловлена открытостью границы и напрямую зависела от интенсивности товарооборота, ситуации на рынке труда и военно-политической обстановки в дальневосточном регионе. Основу диаспоры составляли трудовые мигранты, проживавшие преимущественно на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Японская агрессия в Маньчжурии в начале 1930-х гг. привела к росту численности китайцев и в Западной Сибири за счет интернированных.

Советская администрация, так же как и имперская, не знала истинных масштабов китайской колонии в стране. Китайское присутствие либо преувеличивалось, либо недооценивалось. Официальная информация о численности китайцев в Амурской области за 1933 г. колебалась в диапазоне от 1,4 до 11 тыс. чел. [35, с. 239]. Зачастую статистика просто отсутствовала. Частично эту проблему решила перепись населения 1937 г., которая учла как натурализовавшихся китайцев, так и иностранцев (граждан Китая). Согласно материалам переписи 1937 г., в стране проживало 38,5 тыс. натурализовавшихся китайцев и 20 тыс. граждан Китая, в том числе в РСФСР — 38,4 и 19 тыс. человек соответственно. Крупнейшие общины имелись на Дальнем Востоке (24,6 тыс.), в Читинской (8 тыс.) и Иркутской (1,5 тыс.) областях, в Бурят-Монгольской и Якутской АССР — 2,1 тыс. и 2 тыс. соответственно [7, с. 85—113]. В Западной Сибири перепись учла около одной тысячи граждан Китайской Республики, но сведения о численности советских китайцев отсутствовали [20, с. 180—181].

Крайне противоречивы данные о количестве интернированных в СССР, их число оценивается в диапазоне от 11 до 20 тыс. человек [29, с. 65]. Считается, что около 10 тыс. человек были депортированы в Китай в 1934—1937 гг., а оставшиеся оказались факти-

© Потапова Н. А., 2018

чески в положении заключенных и высланных. Местами их компактного размещения в Западной Сибири стали Каргасокский и Колпашевский районы Нарымского округа Новосибирской области, города Ачинск, Красноярск, Прокопьевск, Томск, поселок Черногорские Копи (Хакасия).

Вопрос гражданско-правового статуса китайцев в СССР сложен. Политика имперского, а затем советского правительства способствовала формированию диаспоры в стране, но статус перемещенного населения отрегулирован не был. Основная масса сохраняла подданство Китая, находясь под российской юрисдикцией. На первом этапе советская власть легализовала иммигрантов, уравнив их в правах с гражданами. Конституция 1924 г. установила единое союзное гражданство, либерализовав политику принятия в подданство. В середине 1920-х гг. в СССР прошла кампания «по узаконению» китайских подданных, которые массово получили в дипломатических учреждениях Китайской Республики новые национальные паспорта и советские виды на жительство. С принятием этих мер количество «бездокументных» сократилось, но процесс легализации перемещенного населения не был завершен и к концу 1930-х гг.

Лица китайской национальности относились к подучетному населению. В соответствии с гражданско-правовым статусом органы ОГПУ — НКВД разделяли их на советских подданных, граждан Китайской Республики, «бездокументных» и административно высланных. По данным Красноярского оперсектора ОГПУ, на 25 июня 1934 г. на территориях, вошедших в декабре 1934 г. в Красноярский край, «учтено китайской колонии 224 чел., большинство расселено в Красноярске, Канске и незначительное количество в сел. местности», из них «совподданных» — 124, «иноподданных» — 58, «перебежчиков» — 30, «адмвысланных» — 3 [29, с. 100]. В категорию административно высланных попадали лица, переселенные с Дальнего Востока как «неблагонадежные» элементы, а также интернированные.

Волны лояльности в отношении китайцев сменялись политическими преследованиями. Первая массовая репрессивная операция против них была следствием конфликта на КВЖД осенью 1929 г. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. предписывало провести аресты 1—2 тыс. человек и выслать из страны китайских дипломатов. Благодаря тому что конфликт удалось быстро преодолеть, двусторонние отношения были восстановлены, а масштаб арестов не превысил 350 человек [1, с. 88]. Основную карательную акцию против представителей этой национальности органы НКВД СССР провели в годы Большого террора.

Тема репрессий в отношении китайского населения отражена в историографии крайне фрагментарно. Комплексная попытка показать масштабы и специфику политических преследований в СССР была предпринята В. Г. Дацышеном [13; 14; 15]. Тема интернирования и трудового использования китайцев в Сибири нашла отражение в монографии С. М. Силонова [29], а также в нескольких работах В. Г. Дацышена [11; 12]. А. Г. Теплякову и Г. Д. Ждановой удалось показать, что массовые репрессии имели место и в Западной Сибири [16; 32]. На материалах Дальнего Востока Е. Н. Чернолуцкая попыталась привести статистику по репрессиям в отношении этой этнической группы с конца 1937 и за первую половину 1938 г., проведенным в формате арестов, осуждений и депортации [35]. Отдельные аспекты репрессивной политики в 1934—1938 гг. в Дальневосточном крае в отношении китайских мигрантов проанализированы О. В. Залесской [17]. Специалисты, приводя статистику «чисток» китайского населения, ориентируются на данные переписей 1937 и 1939 гг. и региональные Книги памяти жертв политических репрессий. Масштаб преследований китайцев на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири позволил В. Г. Дацышену и Е. Н. Чернолуцкой сделать предположение о проведении крупной кара-

тельной акции в годы Большого террора. Вместе с тем репрессии против этой этнической группы не рассматриваются исследователями в контексте «национальных» операций 1937—1938 гг. НКВД СССР.

Историки до сих пор не могут привести точную численность осужденных китайцев в годы массовых репрессий, так как в своих работах не используют материалы внесудебных инстанций. Для обнаружения полных статистических данных крайне важно обрабатывать весь массив таких документов, хранящихся в ведомственных архивах ФСБ (бывших КГБ). Источниковую базу данной работы составили протоколы внесудебных инстанций, а также прекращенные архивно-следственные дела периода Большого террора. В Алтайском крае такого рода документы были переданы УФСБ РФ по Алтайскому краю на государственное хранение в ОСД ГААК. В Новосибирской области и Красноярском крае интересующие нас документы содержатся в управлении ФСБ.

По данным НКВД, за годы Большого террора в СССР было осуждено около 1,5 млн. человек, в том числе в рамках «кулацкой» операции — около 820 тыс. человек, а по «национальным» линиям — около 346 тыс. [33, с. 157—163]. Массовость осуждений была обеспечена проведением двух главных карательных операций — «кулацкой», направленной на борьбу с «бывшими», и серии «национальных» операций, обращенных на «инонационалов» и «инограждан», которые стали «пятой колонной».

В карательной политике против китайского населения в СССР 1937—1938 гг. можно выделить два этапа. Первый (подготовительный) начинается с решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 марта 1937 г., которое дало установку не продлять подданным Китая, проживающим в Западносибирском крае, видов на жительство, что закрепило за китайцами статус нелегалов, т.е. лиц без гражданства [19, с. 136]. В конце августа 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов подписал циркуляр «Об иностранцах», предписывающий уже не только отказывать в предоставлении вида на жительство всем иностранцам, проживающим в СССР, но и проводить аресты «при наличии компрометирующих данных» [36, с. 324—325]. По учетам НКВД иностранцы проходили и ранее, но с 1935 г. с созданием ОВИРа (Отдела виз и регистрации) учет стал тотальным. В обязательном порядке чекисты брали на «разработку» военнопленных, интернированных, реэмигрантов, перебежчиков и т.п. В конце октября 1937 г. с выходом очередного оперативного приказа НКВД СССР № 00698 начинаются массированные репрессии в отношении служащих диппредставительств Германии, Японии, Италии и Польши [22, л. 81—82]. На деле приказ распространялся на все иностранные консульства, в том числе и Китая. Органы НКВД проводили ряд мероприятий по изоляции консульских и дипломатических представительств в СССР с целью сокращения иностранного присутствия в стране.

С августа 1937 г. органы НКВД СССР начали проводить массовые репрессии по трем параллельным направлениям: «кулацкая» операция, серия «национальных» карательных акций и репрессии в отношении советской элиты. Аресты и осуждения китайцев по трем ведущим направлениям, сопровождающиеся депортацией и ссылкой из приграничных районов, стали третьим этапом, направленным на тотальное очищение страны от иностранцев. В период Большого террора в отношении семи этнических групп (немцы, поляки, «харбинцы», латыши, греки, иранцы и иранские армяне, афганцы) Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальные карательные постановления, за которыми последовали оперативные приказы НКВД СССР о начале арестов и осуждений. Специального оперативного документа, направленного на репрессии против китайского населения, до января 1938 г. издано не было, хотя политические преследования в их отношении проводились, что подтверждают архивные данные. Только 31 января 1938 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку националь-

ной принадлежности, в котором среди перечисленных этносов значились китайцы [19, с. 468].

Первоначально китайцы-крестьяне попали под репрессии по приказу № 00447. По данным НКВД, с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. по «кулацкой» операции было арестовано 196 китайцев [33, с. 163]. Этот факт подтверждают и сведения, содержащиеся в протоколах внесудебных инстанций, а также материалы Книг памяти. Уточнить разделение контингента по массовым операциям позволяет изучение материалов внесудебных и судебных инстанций, а также архивно-следственных дел, в которых среди анкетных данных указана и национальность арестованного. Количественное соотношение можно увидеть только при анализе протоколов внесудебных органов в регионах.

С осени 1937 г. карательные органы с санкции Москвы «встроили» репрессии против китайцев в операцию по ликвидации «японского шпионажа». На борьбу с «агентами японской разведки» был направлен приказ № 00593 («харбинская» операция) от 20 сентября 1937 г. [24, л. 33—36]. Целевыми категориями должны были стать бывшие служащие КВЖД, вернувшиеся в СССР после продажи дороги Японии, реэмигранты из Китая, в том числе и перебежчики. На самом деле по статье «японский шпионаж» арестовывали более широкие группы населения, в том числе и китайцев. Основанием для расширения целевых категорий приказа № 00593 стало закрытое письмо № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», которое фактически обозначило две крупные целевые категории: «харбинцев» как бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, а также японских шпионов [24, л. 85—119]. Представителей китайской диаспоры репрессировали в рамках приказа № 00593 в РСФСР, Казахской¹, Украинской [22], Грузинской [2], Армянской ССР [21], т.е. включение данной этнической группы в рамки «харбинской» операции было общесоюзной тенденцией, а не региональной особенностью.

В августе 1937 г. для упрощения и ускорения принятия решений в отношении «инонационалов» был создан внесудебный орган — Комиссия НКВД и Прокурора СССР (двойка) в составе наркома внутренних дел Н. И. Ежова и Прокурора СССР А. Я. Вышинского. На основании следственных материалов составлялись краткие справки на каждого арестованного, где указывались краткие анкетные данные и предлагаемая мера наказания (расстрел или исправительно-трудовой лагерь). Справки подписывали начальник УНКВД и прокурор (республиканская двойка). После этого справки комплектовались в «альбомы», которые отправлялись в Москву, где выносились окончательные решения. Вследствие перегруженности работой в сентябре 1938 г. карательные полномочия были переданы на места в компетенции Особых троек в составе начальника УНКВД, прокурора и секретаря обкома (крайкома) партии.

В условиях начавшихся массовых репрессий 1937—1938 гг. руководители ряда регионов, в том числе и сибирских, проводили «чистки» подконтрольной им территории от китайцев. В этой связи весьма красноречива фраза секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) Л. Н. Гусева, который на одном из заседаний тройки упрекнул начальника УНКВД С. П. Попова: «Почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят?» [10, с. 87], хотя китайская диаспора на Алтае не превышала двух сотен человек. Компактные общины сложились в г. Славгороде (артель «Восточный кулинар»), в Барнауле (меланжевый комбинат) и пригороде пос. Затон (судоремонтный завод), Камне-на-Оби (артель «Труд»), в с. Родино — в колхозе «Труженик Востока», в совхозе «Мартовский» Хабарского района, промартели «Труд Китая», в рабочем поселке Тальменка, в Тальменском лесхозе, в артели «Питание»

¹ База данных на репрессированных Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан представлена А. С. Жанбосиновой.

с. Кулунда. Известно, что небольшая группа интернированных (до 50 человек) была размещена военным ведомством в Тюменском и Хабаровском районах [25; 26].

В Алтайском крае из 884 человек, осужденных по «харбинскому» приказу, 240 — китайцы, т.е. доля китайского населения от общего числа репрессированных по приказу № 00593 составила 30% [28]. Более половины были приговорены к расстрелу. Результатом массовых операций 1937—1938 гг. на Алтае стало полное уничтожение китайской диаспоры в крае.

В Новосибирской области китайская община была в пять раз многочисленнее, чем в Алтайском крае, но имеющиеся материалы о репрессиях против них крайне скудны. Массовые аресты приходятся на ноябрь — декабрь 1937 г. До этого времени репрессии единичны. С октября 1937 по май 1938 г. двойка в рамках приказа № 00593 осудила 112 китайцев, все были приговорены к высшей мере [6]. Доля китайского населения среди осужденных по «харбинской» операции составила 5,5%. Кроме того, в 1937—1938 гг. в Нарымском округе тогдашней Новосибирской области было репрессировано 55 человек из числа интернированных и ранее арестованных китайцев, сосланных в Нарым [34, с. 428, 431]. В Кемерове (город входил в состав Новосибирской области) в 1930-е годы было привлечено к уголовной ответственности и репрессировано 250 человек [29, с. 121]. Таким образом, по имеющимся у нас фрагментарным данным, в Новосибирской области в годы Большого террора было осуждено 417 человек, что составило почти половину от числа диаспоры, проживавшей здесь. При этом полученная цифра недоучитывает количество репрессированных китайцев новосибирской Особой тройкой с мая по ноябрь 1938 г., в тот период, когда масштаб преследований был значительно выше, потому что именно на это время приходятся всесоюзная массовая «чистка» китайцев. Суммарно по двум регионам Западной Сибири по приказу № 00593 было осуждено 657 китайцев.

В Красноярском крае двойка по приказу № 00593 вынесла приговоры в отношении 1026 человек, в том числе 323 — китайской национальности, которых осудила по первой категории. Доля китайцев в протоколах Комиссии НКВД и Прокурора СССР составила 31,5% [5]. В докладных записках о сводных результатах массовых операций, подготовленных начальником УНКВД для наркома внутренних дел Н. И. Ежова, китайцы названы целевой группой «харбинского» приказа. Вероятно, данное обстоятельство означает, что аресты и осуждения этой этнической группы как «японских шпионов» проходили с санкции Москвы. Кроме того, уже к середине апреля 1938 г. в центральный аппарат НКВД чекистами Красноярского края было сообщено, что в регионе осталось 150—200 китайцев [3, л. 54]. Именно 150 человек было репрессировано к середине ноября 1938 г. [4]. Как в Западной, так и в Восточной Сибири операция по очищению территорий от китайцев носила тотальный характер.

Основываясь на приказе № 00593 и закрытом письме о деятельности «харбинцев», которые указывали на существующую в стране диверсионную сеть японских шпионов, сотрудники НКВД строили дела не индивидуальные, а групповые, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контрреволюционные организации. Согласно докладной записке, в Красноярском крае с января по апрель 1938 г. сотрудниками НКВД было вскрыто 26 шпионско-диверсионных организаций и групп из числа китайцев [3, л. 4]. В феврале 1938 г. в г. Колпашево Нарымский окружной отдел НКВД арестовал по статье «японский шпионаж» группу из 15 человек, в том числе 13 интернированных китайцев, размещенных здесь в первой половине 1930-х годов [34, с. 203—204, 217—220, 224—226]. Зимой-весной 1938 г. в Тюменцевском и Хабаровском районах Алтайского края были якобы ликвидированы организации из 27 и 10 человек интернированных соответственно [25; 26].

На Дальнем Востоке карательная акция против китайской колонии была усилена дополнительными директивами НКВД СССР. Помимо «харбинской» линии в конце 1937 г. здесь начались так называемые китайские операции по освобождению территорий от многочисленного населения Китая. В конце декабря 1937 г., в апогей «национальных» операций, начальник УНКВД по ДВК Г. С. Люшков (бежавший от неминуемого ареста в 1938 г. в Маньчжоу-Го и активно сотрудничавший с японской разведкой) получил указания из Москвы об аресте всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения». Согласно декабрьским директивам НКВД СССР для ДВК, новый порядок рассмотрения дел отличался от алгоритма принятия решений по «национальным» операциям. Приговоры в отношении советских китайцев, «изобличенных в антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности и активных уголовников», выносила внесудебная инстанция — тройка, которая в это время занималась «кулацкой» операцией, дела на подданных Китая рассматривались в судебном порядке с последующим выселением из Советского Союза. Решения касательно «бездокументных» выносил суд, с запрещением проживания в ДВК, Читинской и Иркутской областях [30, с. 101—104]. Предположение, сделанное историком Е. Н. Чернолуцкой, о проведении «китайских операций» подобно дальневосточному сценарию в других регионах страны ошибочно, так как декабрьские директивы НКВД СССР, задавшие новые алгоритмы осуждения, были ограничены географическими рамками. Карательные «китайские операции» на Дальнем Востоке следует рассматривать в качестве отдельной линии в рамках «национальных» операций, целью которой было форсированное уничтожение крупнейшей китайской диаспоры в СССР. Частью этнических чисток, помимо арестов и осуждений, стала акция по депортации китайцев с Дальнего Востока в Сынцзян, в ходе которой было переселено более 7 тыс. человек [15]. Кроме того, к этой этнической категории применяли насильственное переселение с приграничных районов в Казахстан, Узбекистан, Кур-Урмийский район Хабаровского края и некоторые другие регионы страны. В целом после репрессий, депортаций и ссылок Дальний Восток перестал быть основным районом проживания китайцев в РСФСР (численность сократилась с 24,6 тыс. до 5,5 тыс.), внутри региона произошло перераспределение китайского населения из Приморья в пользу Хабаровского края.

По так называемым сталинским расстрельным спискам проходили и представители советской китайской элиты, чьи дела рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР [31]. К элите были причислены в том числе часть сотрудников китайских консульств и диппредставительств. Так, например, подданный Китая, работавший курьером у военного атташе китайского посольства в Москве, был приговорен к расстрелу в апреле 1938 г. Региональные органы НКВД формировали списки арестованных с разбивкой их на первую и вторую категорию осуждения, после чего отправляли в центральный карательный аппарат. Нарком внутренних дел Н. И. Ежов представлял списки на утверждение членам Политбюро ВКП(б) и лично И. В. Сталину, после чего материалы поступали на оформление Военной коллегии Верховного суда СССР. Суд являлся пустой формальностью. Слушание дела занимало не более 15 минут. Приговор выносился по назначенной ранее категории. Репрессии против советской элиты стали третьим направлением массовых репрессий 1937—1938 гг. По предварительным данным, около 1% этой этнической группы в 1937—1938 гг. было репрессировано судебным органом. Однако эта цифра нуждается в проверке и уточнении.

В ходе Большого террора Политбюро ВКП(б) и НКВД СССР активизировали и усиливали идущие в стране репрессии при помощи вновь издаваемых оперативных документов, которые, как правило, дублировали друг друга. В январе и апреле 1938 г. вышли

постановления, продлевающие аресты и осуждения среди населения по признаку национальной принадлежности, в которых среди перечисленных «шпионско-диверсионных контингентов» были названы китайцы. Данные решения не только увеличивали сроки проведения массовых операций по всей стране, но и давали новый импульс карательным мерам против «националов». Кроме того, за период 1937—1938 гг. был издан ряд оперативных приказов, повторяющих целевые категории уже идущих карательных операций, с целью массовой и полной ликвидации «пришлого» населения. Приказ № 00693 от 23 октября 1937 г. предписывал арестовывать перебежчиков, январские директивы № 302 и 326 были направлены против «шпионов и диверсантов» из числа «инонационалов». На жен и детей арестованных китайцев распространялось действие приказа № 00486 от 15 августа 1937 г. о репрессиях в отношении семей «изменников родины».

Общая статистика репрессий против китайского населения отсутствует, так как оперативного приказа НКВД СССР, направленного на эту этническую группу, нет, а значит, отсутствуют и статистические отчеты УНКВД по регионам с количественными данными о репрессированных. Кроме того, до мая 1938 г. Москва не требовала с республик, областей, краев данных о национальном составе осужденных, поэтому репрессированные в рамках «линейных» операций китайцы не подвергались учету, а шли в общей сумме осужденных в рамках «национальных» приказов. К середине лета 1938 г. органы НКВД СССР подготовили сводный отчет о результатах массовых операций 1937—1938 гг., в котором среди прочих «национальных» линий была выделена китайско-корейская: по ней провели 9191 человека [33, с. 157]. Тем самым, по данным самого НКВД СССР, проведенная карательная акция против китайцев занимала седьмое место по масштабам репрессий после «польской», «немецкой», «харбинской», «латышской», «иранской», «греческой» и «финской» операций. Однако в сводном отчете НКВД, подготовленном к середине лета 1938 г., нет сведений о количестве китайцев, репрессированных в рамках приказа № 00593, который занимал второе место по количеству жертв после «польского». На старте проведения «харбинской» операции перед НКВД стояла задача репрессировать 25 тыс. бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, однако осудили около 36 тыс. [33, с. 157], т.е. на 10 тыс. человек больше, чем предполагалось. Такие итоговые цифры получились за счет массового включения китайского и корейского населения в кампанию по борьбе с «японским шпионажем», что подтверждают архивные данные.

На значительное сокращение диаспоры указывают данные переписи 1939 г., согласно которой китайцев в СССР проживало 32 023 человека, т.е. с момента последнего всесоюзного учета 1937 г. китайское население сократилось на 26 477 человек. Но утверждать, что такое количество было репрессировано, в том числе и депортировано в Сынцзян, нельзя, так как не исключены случаи бегства на родину в 1937—1938 гг. Тем не менее перепись 1939 г. иллюстрирует изменение географии расселения китайцев в СССР и резкое сокращение их численности вследствие репрессий 1937—1938 гг. Основным местом проживания китайцев оставалась РСФСР, но население здесь сократилось с 57,4 тыс. до 22 тыс. Значительно увеличилась колония в Казахской (с полутысячи человек до 5,1 тыс.), Украинской (со 126 чел. до 3,4 тыс.), а также в Узбекской (с 235 чел. до 451 чел.) и Белорусской (199 чел.) советских республиках, что стало следствием переселенческой политики. В ряде российских регионов прослеживалось сокращение китайского населения: в Читинской области (с 8127 до 6016 человек), в Приморском крае (с 7196 до 351), в Бурят-Монгольской (с 2172 до 1498) и Якутской АССР (с 2018 до 1377), в Иркутской области (с 1583 до 1185). А в Хабаровском крае, Московской и Ленинградской областях произошло увеличение их численности с 1609 до 5117 человек, с 695 до 1218 и со 189 до 378 человек соответственно [8, с. 151].

Таким образом, в ходе Большого террора в СССР органами НКВД проводилась массовая карательная акция по уничтожению китайской диаспоры в стране. Этническая чистка проводилась через массовые репрессии, в результате которых от 50 до 80% (в зависимости от региона) арестованных китайцев приговаривали к высшей мере наказания. Депортация с Дальнего Востока в 1938 г., а также ссылка с приграничных территорий также стали проявлением этнической чистки. Кроме того, китайское население прошло по трем направлениям массовых репрессий 1937—1938 гг.: «кулацкая» операция, серия «национальных», в первую очередь «харбинская», а также карательные акции против советской элиты. Идущие полным ходом «зачистки» органы НКВД активизировали новыми приказами и директивами, в целевые категории которых вписывали китайское население. Главной особенностью репрессий против этой этнической группы стали декабрьские директивы НКВД СССР, спущенные специально для Дальнего Востока. Массовость китайской колонии в ДВК диктовала центральному аппарату НКВД необходимость принятия дополнительных мер по ее ликвидации. Однако даже принятые меры не могли в кратчайшие сроки очистить Дальний Восток от китайцев. Поэтому органы НКВД СССР параллельно с арестами проводили принудительные переселения. Депортация коснулась только дальневосточных китайцев, однако из приграничных регионов на протяжении 1930-х гг., особенно в 1937—1938 гг., их ссылали в административном порядке как неблагонадежных элементов. Западная Сибирь, Красноярский край, Московская область, Украинская, Казахская, Узбекская ССР стали территориями, принявшими ссыльных, однако здесь китайское население подверглось репрессиям со стороны местных карательных органов согласно инструкциям, спущенным из Москвы. Основная причина «чисток» 1937—1938 гг. — это попытка предотвратить появление «пятой колонны». Но были и другие основания: противодействие нелегальному переходу советско-китайской границы, а также очищение дальневосточных территорий от массового китайского заселения. Карательная акция 1937—1938 гг. расширила географию расселения китайцев по территории СССР, при этом сократив диаспору почти вдвое. Однако конкретные статистические данные по арестам китайского населения можно получить только при изучении протоколов внесудебных инстанций периода массовых репрессий 1937—1938 гг., которые хранятся в регионах.

Список использованных источников и литературы

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2007. 300 с.
2. Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.
3. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 2. Д. 95.
4. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 639.
5. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 43.
6. Архив УФСБ по Новосибирской области. Ф. 2. Д. 22445.
7. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : Ин-т истории АН СССР, 1991. 320 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : Наука, 1992. 255 с.
9. Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. М., 1928. 138 с.
10. Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1995. 238 с.
11. Дацышен В. Г. Интернирование армии Су Бинвэня. Из истории советско-китайских отношений // Мир Евразии. 2010. № 4. С. 23—27.
12. Дацышен В. Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы китайской миграции в России // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 45—58.

13. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2008. 327 с.
14. Дацышен В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.renpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947 (дата обращения 11.11.2017).
15. Дацышен В. Г., Кутилов Л. А., Низовских А. В., Тарасов М. Г. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 — начало 1980-х гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 374 с.
16. Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919—1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул : АЗБУКА, 2015. 255 с.
17. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917—1933 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2009. 390 с.
18. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. : Восточная книга, 2009. 511 с.
19. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М. : МФД, 2004. 734 с.
20. Мотревич В. П. Иностранцы граждане — китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Китай: история и современность : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7—8 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2015. С. 178—181.
21. Национальный архив Республики Армения. Ф. 1191. Оп. 19. Д. 50.
22. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 9. Д. 10.
23. ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 731.
24. ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81.
25. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5561.
26. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10972.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 2 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центральный статистический комитет МВД, 1904. 280 с.
28. Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937—1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75—80.
29. Силонов С. М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 198 с.
30. Сталинские депортации. 1928—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М. : Материк, 2005. 902 с.
31. Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. URL: <http://stalin.memo.ru> (дата обращения 11.11.2017 г.).
32. Тепляков А. Г. Машина террора. М. : Новый хронограф : АИРО-XX, 2008. 632 с.
33. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. Т. 5: 1937—1939. Кн. 2. М. : РОССПЭН, 2005. 701 с.
34. 1937—1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле / ред. кол.: А. В. Большакова, В. И. Марков, И. В. Родионова, Б. П. Тренин, Ю. Г. Удодов ; сост. Б. П. Тренин. Томск ; М. : Водолей Publishers, 2006. 462 с.
35. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток : Дальнаука, 2011. 511 с.
36. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал Большим. Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М. : АИРО-XX, 2003. 351 с.

Поступила в редакцию 08.12.2017

Потапова Наталья Анатольевна, аспирант
Новосибирский государственный университет
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
E-mail: skna17talya@mail.ru

UDC 94(47)“1937/1938”

N. A. Potapova**The Chinese in the focus of repression of the Great Terror in Siberia and the Far East**

The article is devoted to carrying out the mass all-Union repressive operation against the Chinese population. The punitive action was carried out by the NKVD of the USSR in July 1937 — November 1938. The aim of the article is to reveal the specifics and extent of the repression against this ethnic group for Siberia and the Far East. The article is based on the departmental documentation of the NKVD of the USSR, the decisions of extrajudicial instances and stopped archival-investigatory files of the Great Terror period. On the expiry of the 75-year period these documents entered the public domain, which provided for the conclusions of the scale and specifics of repressions against this ethnic group in the eastern regions of the USSR. The most of the Chinese were accused of Japanese espionage and convicted under order No. 00593 of September 20, 1937 (“Harbinian” operations). Overall, it can be concluded that a large-scale repressive operation was implemented during the Great Terror in the USSR, which resulted in a significant decline of the Chinese diaspora in the country.

Key words: diaspora, the Chinese, the Great Terror, “national” operations, “Harbinian” order, deportation, exile.

Potapova Natalya Analolyevna, Postgraduate student
Novosibirsk State University
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Pirogova, 2
E-mail: skna17talya@mail.ru

References

1. Ablazhei N. N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From east to east: Russian emigration in China]. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie RAN Publ., 2007. 300 p. (In Russian)
2. *Arkhiv MVD Gruzii* [Archive of the Interior Ministry of Georgia]. 1-i otdel. F. 12. D. 92.
3. *Arkhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu* [UFSB Archive for Krasnoyarsk region]. F. 2. D. 95.
4. *Arkhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu* [UFSB Archive for Krasnoyarsk region]. F. 9. D. 639.
5. *Arkhiv UFSB po Krasnoyarskomu krayu* [UFSB Archive for Krasnoyarsk region]. F. 9. D. 43.
6. *Arkhiv UFSB po Novosibirskoi oblasti* [UFSB Archive for Novosibirsk region]. F. 2. D. 22445.
7. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: kratkie itogi* [All-Union Population Census of 1937: summary results]. Moscow, In-t istorii AN SSSR Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.: osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: main results]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 255 p. (In Russian)
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya. Kratkie svodki. Vyp. IV. Narodnost' i rodnoi yazyk naseleniya SSSR* [All-Union Population Census. Brief summaries. Is. IV. The nationality and the mother tongue of the population of the USSR]. Moscow, 1928. 138 p. (In Russian)
10. Grishaev V. F. *Reabilitirovany posmertno* [Rehabilitated posthumously]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 1995. 238 p. (In Russian)
11. Datsyshen V. G. Internirovanie armii Su Binvenya. Iz istorii sovetsko-kitaiskikh otnoshenii [Internment of Su Bingwen's army. From the history of Soviet-Chinese relations]. *Mir Evrazii*, 2010, no. 4, pp. 23—27. (In Russian)
12. Datsyshen V. G. Internirovannye, deportirovannye i voennoplennye: neizvestnye stranitsy kitaiskoi migratsii v Rossii [Internees, deportees and prisoners of war: unknown pages of Chinese migration in Russia]. *Vostok (Oriens)*, 2010, no. 4, pp. 45—58. (In Russian)
13. Datsyshen V. G. *Kitaitsy v Sibiri XVII—XX vv.: problemy migratsii i adaptatsii* [The Chinese in Siberia XVII—XX centuries: the problems of migration and adaptation]. Krasnoyarsk, Sib. fed. un-t Publ., 2008. 327 p. (In Russian)
14. Datsyshen V. G. *Politicheskie repressii i kitaitsy v SSSR* [Political repression and the Chinese in the USSR]. Available at: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=947. Accessed: 11.11.2017. (In Russian)
15. Datsyshen V. G., Kutilov L. A., Nizovskikh A. V., Tarasov M. G. *Prieniseiskaya Sibir' v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh (1917 — nachalo 1980-kh gg.)* [Cis-Yenisei Siberia in Soviet-Chinese relations (1917 — early 1980's)]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2016. 374 p. (In Russian)

16. Zhdanova G. D. *Politicheskie repressii na Altae 1919—1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Political repressions in the Altai of 1919—1938: historical and statistical research]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2015. 255 p. (In Russian)
17. Zalesskaya O. V. *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917—1933 gg.)* [Chinese migrants in the Russian Far East (1917—1933)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2009. 390 p. (In Russian)
18. Larin A. G. *Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2009. 511 p. (In Russian)
19. Yakovlev A. N. (ed.) *Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937—1938* [Lubyanka. Stalin and the Main Department of State Security of the NKVD. Archive of Stalin. Documents of the supreme bodies of party and state power. 1937—1938]. Moscow, MFD Publ., 2004. 734 c. (In Russian)
20. Motrevich V. P. *Inostrannye grazhdane — kitaitisy v Sovetskom Soyuze po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya SSSR 1937 g.* [Foreign citizens — the Chinese in the Soviet Union according to the All-Union Census of the USSR population in 1937]. *Kitai: istoriya i sovremennost': materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 7—8 okt. 2014 g.* [China: history and modernity: materials of the VIII Internat. scientific-practical conf. Ekaterinburg, 7—8 Oct. 2014]. Ekaterinburg, 2015, pp. 178—181. (In Russian)
21. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Armenii* [National Archives of the Republic of Armenia]. F. 1191. Op. 19. D. 50.
22. *Otraslevoi gosudarstvennyi arkhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy* [Branch State Archive of the Security Service of Ukraine] (OGA SBU). F. 9. D. 10.
23. OGA SBU. F. 6. D. 731.
24. OGA SBU. F. 9. D. 81.
25. *Otdel spetsdokumentatsii Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraja* [Special Documentation Department of the State Archive of the Altai Territory]. (OSD GAAK). F. R-2. Op. 7. D. 5561.
26. OSD GAAK. F. R-2. Op. 7. D. 10972.
27. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire in 1897]. Vol. 2. St. Petersburg, Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD Publ., 1904. 280 p. (In Russian)
28. Potapova N. A. “Kharbinskaya” operatsiya NKVD SSSR 1937—1938 gg. v Altaiskom krae [The “Harbin” operation of the NKVD of the USSR in 1937—1938 in the Altai Territory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 47, pp. 75—80. (In Russian)
29. Silonov S. M. *Internirovannye kitaitisy v Sibiri (1930-e gody)* [Interned Chinese in Siberia (1930s)]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2015. 198 p. (In Russian)
30. Yakovlev A. N. (ed.) *Stalinskie deportatsii. 1928—1953* [Stalin's deportations. 1928—1953]. Moscow, Materik Publ., 2005. 902 p. (In Russian)
31. *Stalinskie rasstrel'nye spiski* [Stalin's executions lists]. Available at: <http://stalin.memo.ru>. Accessed: 11.11.2017 g. (In Russian)
32. Teplyakov A. G. *Mashina terrora* [The machine of terror]. Moscow, Novyi khronograf, AIRO-XX Publ., 2008. 632 p. (In Russian)
33. Danilov V., Manning P., Viola L. (eds.) *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927—1939: Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. 1927—1939: Documents and materials: in 5 volumes]. Vol. 5: 1937—1939, book 2. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 701 p. (In Russian)
34. *1937—1938 gg. Operatsii NKVD. Iz khroniki “bol'shogo terrora” na tomskoi zemle* [1937—1938. Operations of the NKVD. From the chronicle of the “Great Terror” on the Tomsk land]. Tomsk, Moscow, Vodolei Publishers Publ., 2006. 462 p. (In Russian)
35. Chernolutskaya E. N. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920—1950-e gg.* [Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920s—1950s]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011. 511 p. (In Russian)
36. Yunge M., Binner R. *Kak terror stal Bol'shim. Sekretnyi prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya* [How terror became Great. Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2003. 351 p. (In Russian)